

*Моим четырем коллегам — «авторам-проказницам»:
Виктории Александер, Сьюзен Андерсен, Патти Берг
и Линде Нидем. Без вас я давно бы сошла с ума.
С огромной любовью, С.Л.*

Глава 1

*Поместье Айурт-Мэнор, близ Фритема,
Нью-Форест, графство Гэмпшир
Конец июня 1825 года*

Жена, жена, жена, жена.

Майкл Анстрадер-Уэдерби тихо выругался. Этот рефрен преследовал его последние двадцать четыре часа. Уезжая со свадебного завтрака Амелии Кинстер, он обнаружил, что это коротенькое слово в точности совпадало с ритмом стука колес каррикля*, а теперь отзывалось эхом в топоте копыт гнедого мерина.

Плотно сжав губы, он вывел Атласа с конного двора и пустил галопом по окружавшей дом аллее.

Подумать только, не поспеши он в Кембриджшир на свадьбу Амелии, был бы уже на шаг ближе к званию обрученного мужчины. Но Майклу и в голову не приходило пропускать подобное событие, не говоря уже о том, что устраивала свадьбу его сестра Онория, герцогиня Сент-Ивз, и на торжество собралась вся семья, а он дорожил родственными связями.

Эти самые связи безмерно помогали ему в жизни, способствуя не только получению места в парламенте от этого округа, но и дальнейшему неуклонному возвышению, хотя

---

* Двухколесный парный экипаж. — *Здесь и далее примеч. пер.*

отнюдь не это было источником его признательности: просто семья очень много значила для Майкла.

Объехав дом, крепкий трехэтажный особняк из серого камня, он, как всегда в такие минуты, устремил взгляд на монумент, воздвигнутый ровно посередине между зданием и воротами. Белевшая на фоне темных листьев живой изгороди, заполнявшей пространство между высокими деревьями, простая стела отмечала то скорбное место, где его родители, младший брат и сестра, спешившие добраться домой в разгар грозы, были убиты рухнувшим дубом, разом придавившим экипаж и лошадей. Он и Онория, стоявшие у окна классной комнаты, стали свидетелями трагедии.

Возможно, человеческой природе свойственно высоко ценить утраченное навеки?

Потрясенные, несчастные, растерянные, они все же нашли утешение и опору друг в друге, но вскоре Майкл, которому едва исполнилось девятнадцать, и шестнадцатилетняя Онория были вынуждены расстаться. О нет, их пути не разошлись навеки, они были и остались близки, но с той поры Онория успела встретить Девила Кинстера и обзавестись семьей.

Приближаясь к стеле, Майкл с особенной остротой осознал свое одиночество. Жизнь его была заполнена до отказа, каждый день нес с собой все новые дела, и только в подобные моменты душу охватывала тоска.

Он приостановился, изучая надпись на стеле, и с тяжелым вздохом пришпорил коня. Атлас рванулся вперед и, выскочив из ворот, ровным галопом полетел по узкой тропинке.

Сегодня он намерен сделать первый шаг к созданию собственной семьи.

Жена, жена, жена, жена.

Сельские пейзажи приняли его в роскошные зеленые объятия, манили в рощи и леса, бывшие для него символом дома. Солнечные лучи, проникая сквозь густую листву, зайчиками играли на траве. В пышных кронах щебетали и перекликались птицы, и тишину нарушал только стук копыт Атласа. Узкая извилистая тропа, бегущая от

Мэнора, соединялась с другой, более широкой дорогой, которая вела на юг, к Линдхерсту. Недалеко от перекрестка находилась еще одна тропа, идущая к деревне Брэмшо и поместьем Брэмшо-Хаус, цели его путешествия.

Он решил заняться поисками жены еще несколько месяцев назад, но важные государственные дела в очередной раз потребовали его внимания, и он отложил свои собственные... пока не понял, что дальше медлить нельзя. И тогда, собравшись с духом, сел и составил план. Несмотря на то, что чуть позже пришлось ехать на свадьбу Амелии, это не отвлекло его от первоначальных намерений. Майкл строго придерживался возложенной на себя задачи, не отступая ни от единого пункта, и оставил весело пирующих за свадебным столом приглашенных, чтобы ехать сюда. Навстречу своей неизбежной судьбе.

Оставив Сомерсхэм в середине дня, он переночевал у друга в Басингстоукс. Причина, по которой он так стремился домой, не покидала его мыслей. Неустанно сверлила мозг. Он выехал на рассвете и прибыл к себе еще до полудня. Сейчас было два часа дня, и Майкл твердо вознамерился не задерживаться ни единой минуты. Жребий будет брошен, и дело если не завершено, то по крайней мере начато... наполовину устроено.

Вопрос выбора?

Можно сказать и так.

Вопрос Амелии и его ответ, причем по-своему абсолютно правдивый. Для члена парламента, ухитрившегося остаться холостым до тридцати двух лет и недавно извещенного о возможном вхождении в правительство, женитьба определенно стала «вопросом выбора».

Он смирился с необходимостью брака, поскольку предполагал, что это все равно придется сделать рано или поздно. И все же годы шли, а он закружился в повседневных делах, поглощенный блестящей карьерой. Вращаясь в обществе и постоянно бывая в доме Кинстеров, он прекрасно представлял всю меру ответственности, которую несет с собой женитьба, и со временем становился все менее склонным связывать себя узами брака.

Однако теперь пора настала. К тому времени когда начались летние парламентские каникулы, у Майкла не осталось сомнений, что премьер-министр ожидает от него решительного шага. Предполагалось, что осенью он вернется под руку с женой и, если перестановки в кабинете министров, о которых так часто поговаривали, в самом деле произойдут, его кандидатура будет рассматриваться в качестве одного из новых членов. Поэтому с самого апреля он неустанно искал свою идеальную невесту.

Покой сельской местности постепенно проник в душу, и хотя назойливый рефрен «жена, жена, жена» продолжал звучать, тон стал менее настойчивым, по мере того как он приближался к цели.

Майкл без труда определил качества и свойства, требуемые от жены: приятная внешность, верность, умение подержать и помочь мужу, хотя бы в роли хозяйки светского салона, и наличие некоторого ума, смягченного чувством юмора. Все бы ничего, но найти такое совершенство не так легко. Проведя много бесплодных часов в бальных залах, Майкл пришел к выводу, что будет куда умнее искать невесту, разбирающуюся в тонкостях жизни политика, а еще лучше — успешного политика.

И тут он встретил Элизабет Моллисон, вернее, встретил снова, поскольку, строго говоря, знал ее всю жизнь. Ее отец, Джеффри Моллисон, владелец Брэмшо-Хаус, совсем недавно был членом парламента от этого же графства. Потрясенный безвременной кончиной жены, Джеффри сложил с себя обязанности члена парламента как раз в тот момент, когда Майкл при поддержке своего деда Магнуса Анстрадера-Уэдерби и семьи Кинстеров решил участвовать в выборах. Это показалось Джеффри невероятной удачей, поскольку он, как человек совестливый, был счастлив передать бразды правления тому, кого знал и уважал. И хотя оба принадлежали к разным поколениям и вряд ли отличались сходством характеров, особенно во всем, что касалось амбиций, Джеффри неизменно ободрял Майкла и всегда был готов помочь.

Вот и сейчас Майкл надеялся на помощь и содействие своим намерениям жениться на Элизабет.

Девушка, по его оценке, была на удивление близка к идеалу. Чересчур молодая — ей едва исполнилось девятнадцать, — хорошо воспитана, ухожена, вне всякого сомнения, происходила из достойного рода и, как он полагал, способна была усвоить все необходимое для супруги политика. Настоящая английская красавица с золотистыми волосами, голубыми глазами, сливочно-розовой кожей и стройной фигурой, на которой прекрасно смотрелись модные наряды, Элизабет, что было всего важнее, выросла в доме политика. Даже после того как умерла ее мать, а отец удалился от дел, Элизабет была поручена заботам своей тети Августы, леди Каннингем, жены одного из дипломатов высшего ранга. Более того, вторая тетка, Кэрлайн, была замужем за британским послом в Португалии, и Элизабет немало времени провела в Лиссабоне под ее крылышком.

Вся жизнь девушки прошла в политических и дипломатических кругах, и Майкл был совершенно уверен, что она сумеет вести дом. И женитьба на ней, разумеется, укрепит его и без того сильную позицию, так что к ней стоит отнестись серьезно, учитывая, сколько времени он будет проводить, занимаясь международными делами. Жена, на которую можно положиться и которая сумеет достойно поддерживать огонь в домашнем очаге, будет даром небес.

Майкл мысленно перебирал все, что должен сказать Джеффри. Он пока не хотел делать официальное предложение: сначала следует узнать друг друга получше, но, учитывая отношения между ним и семьей Моллисонов, лучше всего предупредить Джеффри: если тот против, продолжать нет смысла.

Правда, Майкл сомневался, что Джеффри откажет, но, пожалуй, спросить не мешает. Лучше, чтобы он с самого начала был на его стороне. Если после двух-трех встреч он убедится, что Элизабет так же мила и послушна, какой казалась в городе, можно сделать предложение и спокойно идти к алтарю: осень — самое подходящее время для свадьбы.

Такой подход, возможно, чересчур расчетлив, но Майкл всегда считал, что брак должен быть основан скорее на взаимной симпатии, чем на страсти. И несмотря на родство с Кинстерами, далеко не во всем соглашался с ними в вопросах супружеской жизни. Просто потому, что был другим человеком. Кинстеры славились пылкостью, решительностью, высокомерием и надменностью. И хотя Майкл был готов признать за собой такое качество, как решительность, все же давно научился скрывать собственную надменность и к тому же был политиком, а следовательно, личностью, не подверженной буйным страстям.

Не из тех, кто позволяет сердцу управлять головой. Честная женитьба на леди, близкой к его идеалу, — вот все, что необходимо Майклу. Он обсуждал свои планы, и особенно кандидатуру Элизабет Моллисон, с дедом и теткой, миссис Харриет Дженнет, признанной хозяйкой политического салона. Оба согласились с его доводами, правда, в типично язвительной манере Анстрадеров-Уэдерби.

— Рада слышать, что Онория и вся ее компания не вскружили тебе голову, — фыркнула Харриет. — Положение твоей жены слишком важно, чтобы определяться цветом глаз леди.

Майкл втайне засомневался, что цвет глаз леди стал определяющим фактором в женитьбе хотя бы одного Кинстера, скорее всего сыграли роль иные физические качества, но вовремя придержал язык.

Магнус сделал несколько строгих замечаний насчет недопустимости страстей в жизни политика. Но, как ни странно, после почти ежедневных требований поскорее получить согласие Элизабет на брак Магнус, присутствуя на свадьбе Амелии в Сомерсхэме, упустил прекрасную возможность ускорить дело. Впрочем, если верить истории, все свадьбы, сыгранные в Сомерсхэм-Плейс, были браками по любви. Наверное, именно потому, что женитьба, которую Майкл затеял, не была бы таковой, дед, следуя принципам мудрости, и придержал язык в обществе Кинстеров.

Тропинка стелилась под копыта коня. Странное нетерпение овладело Майклом, но он не пришло-

рил Атласа. Далеко впереди расступились деревья. За ними сквозь густые кусты уже можно было разглядеть колышущиеся под ветром поля, обступившие дорогу в Линдхерст.

Ощущение собственной правоты еще больше подстегивало Майкла: настало время жениться, завести семью, стать родоначальником нового поколения, пустить более глубокие корни и перейти к следующему этапу своей жизни.

Дорога вилась бесконечной змеей, поросшая спутанной травой земля по обочинам глушила звуки, и к тому времени, как грохот колес и громовой топот копыт достигли ушей Майкла, экипаж едва не налетел на него — обезумевший конь вынес из-за поворота раскачивавшийся кабриолет.

Бормоча проклятия, он развернул Атласа и, не задумываясь, не сообразив, что происходит, помчался следом. Но тут же осознал весь ужас происходящего и снова выругался. Несчастные случаи подобного рода были кошмаром наяву, и угроза стать свидетелем аварии терзала его подобно вонзившемуся вбок острому шипу. Он все подгонял и подгонял Атласа.

Кабриолет летел, едва не взмывая в воздух: кони скоро устанут, но тропа вела только в Мэнор, до которого совсем недалеко.

Он родился в Мэноре. Провел там первые девятнадцать лет. И знал каждый фут тропы. Атлас был полон сил, и Майкл, уронив поводья, стал управлять коленями.

Они нагоняли, но слишком медленно.

Вскоре тропа перейдет в аллею, которая закончится резким поворотом во внешний двор перед крыльцом Мэнора. Лошадь пройдет этот поворот в отличие от кабриолета, который обязательно перевернется... Леди выбросит... на острые камни бордюра.

Сыпля проклятиями, он пришпорил Атласа. Гигантский мерин послушно прибавил ход. Только копыта мелькали в воздухе, когда он стал дюйм за дюймом настигать кабриолет. Они почти поравнялись... Миновали ворота.

Времени не остается.

Майкл решил и прыгнул с седла в кабриолет, почти упав на леди, вцепился в поводья и резко дернул.

Леди завопила.

Лошадь заржала.

Майкл продолжал тянуть что было сил. Сейчас важно одно: остановить лошадь.

Копыта заскользили по гравию. Животное снова заржало, бросилось в сторону и замерло. Силой инерции кабриолет развернуло, но он каким-то чудом не перевернулся. Даму выкинуло на газон. За ней последовал Майкл.

Она приземлилась лицом вниз.

Он распростерся на ней.

И на какое-то мгновение не мог пошевелиться. Не мог втянуть в легкие воздух. Не мог думать.

Самые противоречивые чувства раздирали его. Стройное хрупкое тело, придавленное его весом, нежное и женственное, пробуждало желание защитить и одновременно вызвало ужас от того, что могло произойти.

Но все затмил страх: черный, неотвязный, бессмысленный. Глубокий, как бездонная пропасть. Он все рос и рос, рая сердце и душу.

Майкл оглянулся. Тяжело дышавшая лошадь пыталась сдвинуться с места, но экипаж тянул ее назад. Животное остановилось. Атлас, насторожив уши, замер по другую сторону газона.

— У-у-уф!

Леди наконец очнулась и начала сопротивляться. Его плечо лежало на ее спине, бедра прижимались к бедрам. Она не могла сбросить его с себя.

Он откатился и сел. Уставился на каменную стелу всего в двух ярдах от них. Потом, стиснув зубы, глубоко вздохнул и встал. И мрачно наблюдал, как леди оттолкнулась от земли, села и осмотрелась. Майкл нагнулся, схватил ее за руки и бесцеремонно дернул на себя.

— Из всех глупых, безмозглых... — начал он, но тут же осекся, стараясь совладать с собой. Паря на крыльях черного, неотвязного, бессмысленного страха. Прорывая сражение.

Подбоченившись, Майкл пронзил ее негодующим взглядом.

— Если не способны удержать поводья, не стоит править экипажем. — Он словно выплевывал слова, не заботясь о том, что может ранить незнакомку. — Поймите же, вы были в двух шагах от катастрофы, а возможно, и смерти!

Ему вдруг показалось, что женщина оглохла: ни малейшего признака того, что его слышат!

Кэролайн Сатклиф отряхнула руки, мысленно благодаря небеса за то, что надела перчатки, и полностью игнорируя разъяренного представителя мужского пола. В конце концов она понятия не имеет, кто перед ней.

Покончив с перчатками, она расправила юбки, слегка поморщилась при виде пятен от травы, поправила лиф, рукава, прозрачный шарф. И только потом соизволила поднять глаза.

Но чтобы увидеть, кто перед ней, пришлось запрокинуть голову: так он был высок. Куда выше, чем ей казалось. И шире в плечах. Только сейчас она вспомнила чисто физическое потрясение при виде неизвестно откуда свалившегося спасителя. Да и тело еще помнило его тяжесть. Она вдруг отчетливо представила себя, лежащую на траве под этим великаном. Представила и поспешила выбросить из головы неуместные мысли.

— Сэр, кем бы вы ни были, благодарю за столь своевременное спасение, хотя и довольно неуклюжее.

Ее тон сделал бы честь любой герцогине: холодный, уверенный, спокойный и надменный. Именно такой, которым лучше всего пользоваться в общении с самонадеянными мужчинами.

— Однако...

Ее взгляд наконец упал на его лицо. Она моргнула — солнце било ей в глаза, и разглядеть ничего не удавалось.

Подняв руку, она заслонила глаза и беззастенчиво уставилась на незнакомца. Скульптурно вылепленное лицо с квадратным подбородком и резким абрисом, выдававшим принадлежность к ее классу. Патрицианское лицо с широким лбом, пересеченным прямыми

черными бровями, и глаза, оставшиеся в памяти светло-голубыми. Густые темно-каштановые волосы, легкие мазки серебра на висках, придающие ему еще большую привлекательность.

Лицо человека волевого и с упрямым характером.

Лицо человека, ради которого она сюда приехала.

— Майкл? Майкл Анстрадер-Уэдерби, не так ли?

Майкл недоуменно уставился на личико сердечком в ореоле легких, пушистых светло-каштановых волос, мягких, как белая шапочка одуванчика. Серебристо-голубые глаза, чуть курносый нос...

— Кэро! — вырвалось у него.

Она радостно улыбнулась, а он на какой-то миг окаменел.

— Да. Сколько же лет мы не виделись... — задумчиво начала она, пытаясь вспомнить. — С тех пор как разговаривали...

— На похоронах Камдена, — помог он.

Ее покойный муж, Камден Сатклиф, настоящая легенда в дипломатических кругах, был послом его величества в Португалии. Кэро была его третьей женой.

— Да, вы правы, — кивнула она. — Два года назад.

— Я не видел вас в городе.

Зато много слышал о ней. Дипломатический корпус не замедлил дать ей прозвище Веселая Вдова.

— Как поживаете?

— Спасибо, прекрасно. Камден был хорошим человеком, и мне его недостает, но... — Она слегка пожала плечами. — Он был старше меня на сорок с лишним лет, так что этого можно было ожидать.

Лошадь снова заплясала, безуспешно пытаясь стащить с места стоявший на тормозе кабриолет, чем мгновенно вернула их к настоящему. Кэро придерживала голову животного, пока Майкл распутывал поводья и проверял упряжь.

— Что случилось? — спросил он, хмурясь.

— Понятия не имею. — Кэро тоже нахмурилась и погладила лошадь по теплему носу. — Я возвращалась с собрания «Ледиз ассошиэйшн» в Форднеме.

Звонкий топот копыт заставил обоих обернуться. В ворота въезжал кабриолет. Крупная дама, державшая поводья, лихо свернула, и экипаж с шиком подкатил к ним.

— Мюриел настояла, чтобы я поехала на собрание, вы же знаете, какая она, — наскоро пояснила Кэро под грохот колес. — Предложила подвезти меня, но я решила, что, если поеду сама, смогу по пути посетить леди Керкрайт. Поэтому выбралась из дома пораньше, высидела все собрание, а после мы с Мюриел вместе отправились домой.

Теперь все стало ясно. Мюриел была родной племянницей Камдена и, разумеется, считалась племянницей Кэро, хотя была на семь лет ее старше. Она тоже выросла в Брэмшо и никогда его не покидала. Рожденная и воспитанная в Сатклиф-Холле, на противоположном конце деревни, она сейчас жила в самом центре, в доме мужа, Хеддеруик-Хаус, совсем рядом с Брэмшо-Хаус, фамильной резиденцией Моллисонов.

Более того, Мюриел сама назначила себя организатором всех приходских мероприятий и первой дамой округа и продержалась в этой роли много лет. Хотя ее манеры были чересчур властными, все предпочитали терпеть ее выходы по той простой причине, что она прекрасно справлялась со своими обязанностями.

Мюриел картинно натянула поводья, и лошадь встала. Майкл подумал, что она красива и, несомненно, кажется очень яркой со своими темными волосами и безупречной осанкой.

— Господи боже, Кэро! — ахнула она, уставившись на родственницу. — Кабриолет перевернулся? У тебя вся юбка в травяных пятнах! Ты не ушиблась? — Обычно громкий голос теперь был еле слышен, словно она не могла поверить собственным глазам. — Ты так рванула с места, что я сразу поняла: с Генри тебе не справиться!

— Я и не справилась, — кивнула Кэро. — К счастью, Майкл как раз выехал на прогулку. Он храбро прыгнул в кабриолет и совершил необходимый подвиг.

— Слава тебе господи, — выдохнула Мюриел. — Майкл! Я не слышала, что вы вернулись.